

Ричард II обожал охоту на оленей — это была идеальная демонстрация его отваги, любви и, для посвящённых, весьма прозрачный намёк на куда более плотские желания. Подобная игра слов, тройная по смыслу, доставляла ему невероятное удовольствие.

Однако удовольствие это было полным лишь при одном условии: любовное письмо, написанное второй жене, не должно было попасть в руки четвёртой, да ещё и быть ею принятым за послание себе.

Принцесса Анна, попытавшаяся блеснуть и получившая пощёчину, конечно же, не могла смириться с унижением. Она жаждала восстановить свою честь за счёт короля, и с тех пор покой покинул дворец Хэмптон-корт.

Очевидно, это была ловушка.

Но для кого? Была ли она устроена, чтобы осмеять принцессу Анну, или же за ней скрывался более глубокий заговор против самого Ричарда II? Пока ответа не было.

Известно лишь одно: вся Англия бурлила от этой драмы. Вопрос о том, кто же истинная любовь короля, стал неизменной темой для светских сплетен.

— Как ты думаешь, кто стоит за всем этим? — спросил Август, примкнувший к армии сплетников.

Рафаэль бросил на него равнодушный взгляд:

— Зачем мне ломать голову над этой глупой возней? Разве я похож на человека, у которого много свободного времени?

Свободного времени у Рафаэля не было вовсе — он был на грани изнеможения. Дворец Хэмптон-корт находился далеко от его рабочего места, и каждый день он возвращался домой глубокой ночью.

Август: ...Я виноват?

Несмотря на свои слова, Рафаэль всё же удовлетворил любопытство Августа, вкратце обсудив с ним возможные подоплёки этой истории.

Август:

— Самый простой способ — определить, кто получил выгоду. У кого больше мотивов, тот и главный подозреваемый.

— Ты даже королеву-мать заподозрил? — Рафаэль посмотрел на Августа с почтительным изумлением, будто говоря: «Нужна смелость».

На данный момент итоги были таковы: принцесса Анна наконец очнулась от своих иллюзий и поняла, что король её не любит; мисс Мария обнаружила, что неверность отца началась гораздо раньше, чем она думала; королева-мать же ловко воспользовалась ситуацией, отказавшись присутствовать на свадьбе, которую она и так ненавидела.

Иными словами, главной выгодоприобретательницей оказалась королева-мать Изабелла, которая наконец избавилась от необходимости присутствовать на очередной унижительной свадьбе сына — две предыдущие попытки избежать этого провалились.

— Нет, нет! — Август замотал головой, словно волчок. — А если рассматривать мотивы? Может, кто-то просто не хотел, чтобы король женился, и поэтому подстроил всё это?

Рафаэль с напускной серьёзностью ответил:

— А как ты думаешь, кто вообще хотел этого брака?

Во-первых, Святой Престол определённо был против, ибо всеми силами пытался задушить протестантизм как ересь и ни за что не желал укрепления союза протестантских государств. Во-вторых, трое детей Ричарда II тоже не жаждали появления новой мачехи или дополнительных наследников. Затем, все королевские фаворитки мечтали о законном статусе и не желали видеть на троне другую. Наконец, дворянство и вся страна в целом считали, что король перешёл все границы распутства.

Даже сам король не горел желанием жениться на принцессе Анне.

Эта свадьба была тотальным фиаско, не сулившим радости никому, кроме самой принцессы Анны, но и та, судя по всему, перестала быть столь наивной.

Над головой Августа словно зажглась лампочка:

— О, я понял! Ключ — в письме. Кто им владел и кто подsunул его принцессе Анне, введя в заблуждение или заставив прочитать на том чаепитии, даже не дав толком ознакомиться?

— Вторую королеву казнили по обвинению в прелюбодеянии с братом и заговоре с целью убийства короля. Ричард был сломлен, и хотя многие считают, что он сам всё подстроил, чтобы жениться в третий раз, я в это не верю. Ричард искренне любил вторую королеву, и чувства его были глубоки и продолжительны. Даже теперь, выбирая фавориток, он неосознанно ищет в них её черты — будь то внешность или манера держаться. Поэтому, хотя Ричард и не желал больше видеть ничего, связанного с ней, он не уничтожил её вещи, а сохранил и передал мисс Елизавете.

— Лизе всего семь, и характер у неё не такой, — тут же парировал Август. — Наверняка кто-то из её окружения был подкуплен.

Рафаэль продолжил мысль:

— Но такие мелкие сошки ничего не знают. Или их уже устранили.

— Тогда кто передал письмо принцессе Анне?

— Принцесса Анна вскоре должна была стать королевой, и её штат фрейлин уже был сформирован. Среди них наибольшим расположением принцессы пользовалась Екатерина Говард, кузина второй королевы...

— !!! — Август уставился на Рафаэля с горящими глазами:

— Кажется, мы нашли разгадку!

— ...но мисс Говард терпеть не может Ричарда, — Рафаэль нарочито сделал паузу, остужая пыл Августа. Будь всё так просто, это давно бы раскрыли. — В отличие от сомнительных обвинений в распутстве, предъявленных второй королеве, репутация Екатерины Говард вполне заслужена. За свою недолгую жизнь она пережила столько романов, что могла бы посоперничать с самим

Ричардом, и у неё даже был короткий, малоизвестный брак.

Август не стал спрашивать, откуда Рафаэлю известно о том браке. Он всегда полагал, что для Рафаэля нет ничего невозможного, если он того пожелает.

Обсуждение зашло в тупик, и истина осталась нераскрытой. Как и предрекал Рафаэль в самом начале, это была пустая трата времени.

В конце концов Август признался, почему его это так занимало:

— Лучше бы эта свадьба не состоялась.

— Почему? — удивился Рафаэль. — Ты сочувствуешь принцессе Анне? Позволь заметить, хотя Ричард и подлец, принцесса Анна немногим лучше. Этот брак — обман. Ничем не лучше истории с Вильгельмом II, что женился, скрывая свою гомосексуальность.

— Понимаю. Просто если все несчастны и брак обречён, зачем его вообще заключать?

— Гм, ради дружбы между протестантскими государствами?

— Но тебе не кажется это странным? — Август посмотрел Рафаэлю прямо в глаза. — Дело такого масштаба, как союз двух стран, пытаются решить, принеся в жертву счастье одной девушки.

Если бы Ричарда II можно было привязать узами брака, он не был бы тем самым печально известным женолюбом.

— Дай мне подумать, — сказал Рафаэль.

И его размышления затянулись аж до Рождества, которое совпало с днём рождения Августа.

Увидев за завтраком блюдо, именуемое «незаменимым десертом любого рождественского пира», Август едва не лишился дара речи. Он знал, что английская кухня славится своей «тёмной» репутацией в будущем, но не ожидал, что в Средние века ситуация ещё плачевнее.

Этот средневековый пережиток назывался «паровой пудинг». Название звучало безобидно, но начинка была многослойной.

Основу составлял пудинг, нашпигованный фруктами и орехами до отказа и обрамлённый хлебной крошкой. Когда его подали, слуга совершил завершающий ритуал: полил бренди и поджёг.

Да, поджёг.

Собрав всю свою храбрость, Август откусил кусочек этого пылающего пудинга, и у него во рту будто вспыхнул огонь — такой он был острый.

Ваш десерт — острый?! (J`□')J□LL

Примечание автора: Письмо реальное, его исторический Генрих VIII написал своей второй жене. Королю тоже несладко — даже личная переписка не имеет права на приватность, её потомки изучают снова и снова.

После неожиданной встречи с острым пудингом Август три минуты пребывал в

экзистенциальном кризисе, и мрачные мысли не отпускали его. Даже его обычно торчащий с утра вихор поник, а на нежном лице, помимо полной растерянности, отчётливо читались три вопроса: кто я? где я? что со мной случилось?

<http://bllate.org/book/15929/1423918>